

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-236-257

РОЛЬ США В ПОЛИТИКЕ НЕЗАВИСИМОГО ВОСТОЧНОГО ТИМОРА

Павел Сергеевич ШАТЕРНИКОВ¹

¹ РУДН, Москва, Россия,

pavelshat26@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0856-2265>

Аннотация: Статья посвящена роли Соединенных Штатов в политике независимого Восточного Тимора в период с 2002 по 2026 г. На основе широкого круга источников, включая рассекреченные документы Госдепартамента США, доклад Комиссии по приему, установлению истины и примирению (CAVR) «*Chega!*», аналитические материалы МВФ и интервью тиморских официальных лиц, автор рассматривает три ключевых измерения американского влияния. Первое — историческая память: несмотря на прагматизм современных лидеров, в тиморском обществе сохраняется травма, связанная с «зеленым светом» США на индонезийское вторжение 1975 года и многолетней военной поддержкой Джакарты. Второе — экономическое измерение: добровольная долларизация экономики (с 2000 г.) и инвестиции Нефтяного фонда (около 18 млрд долл. в американские активы) создают скрытую, но системную зависимость от монетарной политики ФРС. Третье — политическое влияние: через *USAID*, Международный республиканский институт (*IRI*) и Национальный демократический институт (*NDI*) США финансируют выборы, укрепляют антикоррупционные институты и формируют гражданское общество, что служит инструментом «мягкой силы». В статье показано, что, несмотря на углубление военного сотрудничества (учения *CARAT*) и вступление Восточного Тимора в *АСЕАН* в 2025 г., Дили сохраняет многовекторную внешнюю политику, не превращаясь в американский форпост. Отношения характеризуются как «ограниченное партнерство» — глубокое, но не предполагающее односторонней привязки или размещения военных баз.

Ключевые слова: Восточный Тимор, США, долларизация, Нефтяной фонд, *USAID*, продвижение демократии, историческая память, индонезийская оккупация, *CARAT*, *АСЕАН*, ограниченное партнерство

Для цитирования: Шатерников П.С. Роль США в политике независимого Восточного Тимора // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 236–257. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-236-257

Original article. Historical science

THE ROLE OF THE UNITED STATES IN THE POLITICS OF INDEPENDENT TIMOR LESTE

Pavel S. SHATERNIKOV ¹

¹ RUDN University, Moscow, Russia,
pavelshat26@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0856-2265>

Abstract: The article examines the role of the United States in the politics of independent Timor Leste from 2002 to 2026. Drawing on declassified State Department documents, the CAVR “Chega!” report, IMF analyses, and interviews with Timorese officials, the author identifies three key dimensions of American influence. First, historical memory: despite the pragmatism of current leaders, Timorese society retains trauma from the US “green light” for the 1975 Indonesian invasion and subsequent military support for Jakarta. Second, the economic dimension: voluntary dollarization (since 2000) and Petroleum Fund investments (about \$18 billion in US assets) create a hidden but systemic dependence on Fed monetary policy. Third, political influence: through USAID, the International Republican Institute (IRI), and the National Democratic Institute (NDI), the United States funds elections, strengthens anti-corruption institutions, and shapes civil society, using democracy promotion as a soft power tool. The article shows that despite deepening military cooperation (CARAT exercises) and Timor Leste’s accession to ASEAN in 2025, Dili maintains a multi vector foreign policy and does not become a US outpost. The relationship is characterized as “limited partnership” — deep and multifaceted, but without permanent bases or unilateral alignment with Washington’s geopolitical interests.

Keywords: *Timor Leste, United States, dollarization, Petroleum Fund, USAID, democracy promotion, historical memory, Indonesian occupation, CARAT, ASEAN, limited partnership*

For citation: Shaternikov P.S. The Role of the United States in the Politics of Independent Timor Leste. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 2, № 2 (71). Pp. 236–257. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-236-257

Историческая память тиморцев о роли США

Болезненным событием, до сих пор мешающим позитивному развитию тиморско-американских отношений, является историческая встреча президента США Генри Форда и госсекретаря Генри Киссинджера 6 декабря 1975 г. в Джакарте. Отечественная и зарубежная историография сходятся во мнении, что эта короткая встреча на деле стала санкцией на вторжение. Того же мнения небезосновательно придерживаются и современные восточнотиморские политики.

Национальный архив безопасности США опубликовал стенограммы той встречи, которые развеяли любые сомнения о позиции Вашингтона. Когда Сухарто сообщил о намерении вторгнуться в Восточный Тимор, Форд ответил: *«Мы поймем и не будем оказывать на вас давление. Мы понимаем проблему и ваши намерения»*¹. Киссинджер добавил: *«важно, чтобы все ваши действия увенчались успехом как можно скорее»*². Он также заверил индонезийского лидера: *«Мы сделаем все возможное, чтобы все сохраняли молчание, пока президент не вернется домой»*. Вторжение началось на следующий день, 7 декабря, сразу после вылета американских гостей³.

Киссинджер впоследствии отрицал, что обсуждал Восточный Тимор на встрече, однако рассекреченные телеграммы Госдепартамента полностью опровергли его утверждения⁴.

Одобрение вторжения американской стороной было лишь началом многолетней политики Вашингтона по поддержке «Нового порядка» Сухарто в целом и его восточнотиморской политики в частности. На протяжении 24-летней оккупации (1975–1999) США оставались основным донором вооружений для индонезийской армии. По разным оценкам, с 1975 по 1999 г/ Вашингтон поставил Джакарте вооружений на сумму 1,1 млрд долл. США⁵.

Особое возмущение тиморцев вызывала поставка штурмовиков OV-10 Bronco, которые индонезийские ВВС использовали для напалмовых бомбардировок и расстрелов мирных деревень⁶. В докладе CAVR прямо указано: *«Поставленная США техника была критически важна для способности Индонезии проводить массированные кампании по уничтожению сопротивления, в которых американские самолеты играли решающую роль»*⁷.

В 2005 г. независимый Восточный Тимор опубликовал доклад Комиссии по приему, установлению истины и примирению (CAVR) под названием *«Chega!»* («Хватит!»), ставший официальной оценкой

событий, произошедших в период оккупации с 1975 по 1999г⁸. Кроме того, доклад CAVR до сих пор является одним из основных источников по периоду индонезийской оккупации и неоднократно цитировался автором в различных работах, так или иначе связанных с вопросами оккупации.

Здесь отметим лишь, что в разделе «Ответственность» доклада, утверждается, что «Политическая и военная поддержка США была фундаментальной для индонезийского вторжения и оккупации. Комиссия также установила, что в результате оккупации погибло от 180 до 200 тыс. восточных тиморцев – около трети довоенного населения. Доклад CAVR также содержит рекомендацию правительствам Индонезии, США и Великобритании выплатить репарации Восточному Тимору⁹. Однако ключевая рекомендация – официальные извинения Вашингтона и создание механизма компенсаций до сих пор не выполнена.

CAVR также отметила, что в 1999 г. администрация Клинтона наконец использовала свое влияние, чтобы заставить Индонезию принять международные силы безопасности, что продемонстрировало «значительное влияние, которое США могли бы оказать гораздо раньше, если бы у них была политическая воля»¹⁰.

Подробнее американская политика в отношении Восточного Тимора в период его оккупации Индонезией рассмотрена в одной из предыдущих статей автора¹¹.

В связи со всем, изложенным выше, восприятие США в Восточном Тиморе остается двойственным. С одной стороны, тиморцы благодарны американцам за решающую роль в кризисе 1999 г., когда президент Билл Клинтон пригрозил разорвать связи с МВФ и Всемирным банком, если Джакарта не примет международные силы¹². С другой – память о роли Вашингтона в годы оккупации не угасает.

Лидеры, пережившие оккупацию, такие как нынешний президент Жозе Рамуш-Орта, демонстрируют прагматизм и готовность к сотрудничеству, но общественное мнение остается настороженным. Справедливости ради, заметим, что и в словах самого Рамуш-Орты сквозит недоверие к США и Западу в целом¹³.

Таким образом, историческая память о «двойном наследии» – роли США и как соучастника оккупации, и как спасителя в 1999 г. – продолжает формировать восприятие Америки тиморским обществом, накладывая ограничения на сближение даже в условиях прагматичного партнерства.

Доллар США как основа экономики и скрытый канал влияния

В качестве национальной валюты Восточного Тимора в течение всего периода независимости выступает доллар США. С момента восстановления независимости тиморское государство добровольно делегировало Соединенным Штатам ключевой атрибут национального суверенитета – эмиссионную функцию. Естественно, такая зависимость экономики страны от экономической политики Вашингтона не может не влиять и на другие аспекты тиморско-американского сотрудничества.

Решение о долларизации экономики Восточного Тимора было принято не демократически избранным национальным правительством, а временной администрацией ООН в период, когда страна еще не обрела полного суверенитета. 24 января 2000 г. глава миссии ООН Сержиу Виейра ди Меллу подписал Регламент *UNTAET* № 2000/7, который устанавливал доллар США в качестве официального платежного средства на всей территории Восточного Тимора¹⁴. Документ предписывал, что «доллар США является законным платежным средством для всех государственных и частных транзакций и не может быть отвергнут при оплате»¹⁵. Положения регламента также допускали параллельное хождение других валют, но исключительно на добровольной основе¹⁶.

Это решение, принятое в условиях постконфликтной разрухи, во многом определялось практическими соображениями. Миссия ООН столкнулась с хаотичным обращением на территории страны сразу нескольких валют: индонезийской рупии, португальского эскудо, австралийского и американского долларов. Отсутствие собственной денежной системы и необходимость немедленного запуска государственных финансовых механизмов подталкивали к выбору пути наименьшего сопротивления.

Показательно, что это решение не было единодушно поддержано местными политическими силами. Как сообщали бразильские издания в январе 2000 г., «решение ООН расстроило намерения местных лидеров, которые предпочитали принять португальский эскудо» – в знак исторической связи с бывшей колониальной метрополией¹⁷.

С экономической точки зрения, долларизация предлагала Восточному Тимору несколько очевидных преимуществ, особенно в контексте постконфликтной хрупкости. Документы Международного валютного фонда, в частности аналитическая записка «*How Has*

Dollarization Served Timor-Leste So Far?», выделяют три ключевых фактора¹⁸.

Во-первых, долларизация позволяла привязать экономику к низкоинфляционной монетарной политике Федеральной резервной системы США. В условиях, когда восстановление государственных институтов только начиналось, создание самостоятельного центрального банка и проведение независимой денежно-кредитной политики было сопряжено с неприемлемо высокими рисками гиперинфляции и валютной нестабильности. Доллар США выступал в роли своего рода «номинального якоря», обеспечивая предсказуемость цен.

Во-вторых, отказ от собственной валюты устранял валютные риски в международных расчетах. Для экономики, которая практически полностью зависит от импорта (продовольствия, топлива, промышленных товаров) и экспорта углеводородов, стабильность обменного курса является критическим фактором выживания. Долларизация автоматически исключала издержки, связанные с конвертацией и хеджированием валютных рисков.

В-третьих, использование доллара упрощало административное управление в переходный период. Миссия ООН не обладала ни мандатом, ни ресурсами для запуска полноценной эмиссии национальной валюты, тогда как доллар США был немедленно доступен и обладал всеобщей узнаваемостью.

МВФ в своем анализе подчеркивает: «Долларизация помогла Восточному Тимору достичь относительно низкой и стабильной инфляции в контексте постконфликтной хрупкости»¹⁹.

Однако та же аналитика МВФ признает и обратную сторону долларизации: «она может способствовать ослаблению конкурентоспособности»²⁰. Это ключевой компромисс, на который пошел Восточный Тимор.

Проблема заключается в том, что экономический цикл Восточного Тимора не синхронизирован с экономическим циклом США, а торговые связи с Америкой минимальны. Основными торговыми партнерами страны являются Индонезия, Австралия и Китай. Когда Федеральная резервная система повышает процентные ставки для борьбы с инфляцией внутри США, доллар укрепляется по отношению к валютам основных торговых партнеров Восточного Тимора. Это делает импортные товары (продовольствие и топливо) более дорогими в местном выражении, одновременно снижая конкурентоспособность тиморских товаров на внешних рынках.

Профессор экономики Уильям Митчелл, анализируя ситуацию Восточного Тимора, формулирует эту дилемму наиболее радикально. Он настаивает на том, что стране необходимо отказаться от доллара США, конвертировать Нефтяной фонд в золотовалютные резервы и начать проводить «независимую денежно-кредитную политику с гибким обменным курсом, используя контроль над движением капитала там, где это необходимо»²¹. По его мнению, отказ от валютного суверенитета – «плата», которую Восточный Тимор несет за свое решение 2000 года.

Парадоксальным образом долларизация создала не только пассивную зависимость, но и породила мощный обратный финансовый поток – инвестиции в американскую экономику. В 2005 г. правительство Восточного Тимора учредило Нефтяной фонд (*Petroleum Fund of Timor-Leste*), в который аккумулируются все доходы от добычи углеводородов в Тиморском море. К 2025 г. объем фонда достиг приблизительно 18 млрд долларов США, что делает его одним из крупнейших суверенных фондов в мире относительно ВВП страны²².

Первоначальный закон о Нефтяном фонде 2005 г. содержал примечательное положение, отражающее глубину интеграции: 90% активов фонда должны были инвестироваться исключительно в казначейские облигации США. Лишь оставшиеся 10% могли направляться в другие классы активов. По сути, тиморское государство добровольно взяло на себя обязательство финансировать долг Соединенных Штатов, размещая свои нефтяные сбережения в американских государственных ценных бумагах²³.

Эта практика стала предметом пересмотра в последующие годы. По мере роста фонда правительство Дили начало постепенную диверсификацию. В 2009 г. Нефтяной фонд впервые назначил внешнего управляющего для инвестирования 1 млрд долл. в высококачественные диверсифицированные облигации и начал поиск глобальных управляющих акционерным капиталом. Эти шаги были направлены на снижение зависимости от казначейских облигаций США и повышение доходности портфеля²⁴.

Вместе с тем, как недавно подчеркнул посол Восточного Тимора в США Жозе Луиш Гутерреш, значительная часть активов фонда по-прежнему остается инвестированной в американскую экономику – включая акции примерно 600 американских компаний и государственные облигации США. Как он отметил в интервью 2025 г., «мало кто знает, что Восточный Тимор инвестировал в США около 18 миллиардов долларов». Этот факт создает мощный экономический якорь,

связывающий судьбу тиморской экономики с состоянием американской финансовой системы²⁵.

Восприятие долларизации самим тиморским руководством выходит далеко за рамки экономической целесообразности. В уже упомянутом интервью 2025 г. посол Гутерреш предельно откровенно описал уязвимость, в которой оказалась его страна: «Для нас в Восточном Тиморе это особенно прямолинейно. С момента обретения независимости в 2002 г. мы приняли доллар США в качестве нашей национальной валюты. Если экономика США или ее политика сталкиваются с проблемами, это влияет на стабильность доллара и, в свою очередь, на нашу стабильность»²⁶.

Это признание имеет не только экономическое, но и политическое измерение. Доллар функционирует как мощный инструмент влияния, который, к тому же, не требует от Вашингтона никаких усилий по его поддержанию. У США нет необходимости финансировать политические партии или подкупать чиновников – сама структура тиморской экономики автоматически заставляет Дили действовать в рамках, приемлемых для американской финансовой системы. Любые значимые изменения в монетарной политике ФРС, любые торговые или санкционные режимы США автоматически отражаются на экономике Восточного Тимора.

Вместе с тем, большинство экспертов сходятся во мнении, что в обозримом будущем отказ от доллара маловероятен. Издержки перехода на собственную валюту – от технических сложностей эмиссии до неизбежной девальвации и инфляционного шока – представляются тиморскому руководству неприемлемо высокими, особенно в контексте вступления в АСЕАН и постепенной интеграции в региональную экономику. Примечательно, что сам посол Гутерреш, признавая уязвимость перед американской политикой, одновременно выступает в качестве активного лоббиста тиморских инвестиций в США, стремясь привлечь американский бизнес в страну²⁷.

Политическое влияние: финансирование партий и «продвижение демократии»

Политическое влияние Соединенных Штатов в Восточном Тиморе является, пожалуй, наиболее системным из всех аспектов двусторонних отношений. США активно участвуют в конструировании политической системы, обучении парламентариев, мониторинге выборов, формировании гражданского общества. Эта деятельность, легитимизированная риторикой демократических ценностей, одновременно

служит инструментом «мягкой силы», позволяющим Вашингтону поддерживать в Дили лояльную и предсказуемую политическую среду.

Соединенные Штаты на протяжении многих лет используют продвижение демократии за рубежом в качестве важнейшего элемента «мягкой силы» – не только для продвижения идеологического влияния в глобальной геополитике, но и для содействия появлению за рубежом политических систем, совместимых с американскими интересами. В случае с Восточным Тимором эта страна позиционируется Вашингтоном как «демократия, разделяющая наши ценности» и «естественный партнер» в Индо-Тихоокеанском регионе, что прямо увязывается с более широкими политическими целями США.

Основным инструментом политического влияния США в Восточном Тиморе выступает Агентство США по международному развитию (*USAID*). Его деятельность в сфере «развития политических процессов» началась задолго до формального восстановления независимости – еще в 1999 г., в период переходного управления ООН. Это хронологическое первенство не случайно – США стремились участвовать в формировании политической системы будущего государства с самых первых ее шагов.

В целом с момента обретения независимости в 2002 г. США предоставили Восточному Тимору помощь на сумму свыше 542 млн долл., причем эти средства распределялись в том числе через *USAID*, Корпус мира и многосторонние организации²⁸. Даже если рассматривать только прямой канал *USAID*, объем помощи составил около 20 млн долл. в год, что для страны с населением 1,3 млн человек является весьма значительным показателем²⁹.

Показательно, что эти ресурсы распределялись через посредничество американских неправительственных организаций. Как отметил журналист Тед Элкорн в своем расследовании для Центра Пулитцера, *USAID* не столько реализовывало программы напрямую, сколько предоставляло многомиллионные гранты НПО. Эта схема не только обеспечивала контроль над расходованием средств, но и создавала устойчивые каналы влияния, опосредованные лояльными Вашингтону институтами³⁰.

Стержнем американской стратегии «продвижения демократии» в Восточном Тиморе является Консорциум по выборам и укреплению политических процессов (*CEPPS*) – коалиция трех организаций, которые фактически выступают проводниками американской политической модели: Международный республиканский институт (*IRI*),

Национальный демократический институт (NDI) и Международный фонд избирательных систем (IFES)³¹.

IRI, основанный в 1983 г. и традиционно ассоциируемый с Республиканской партией США, открыл свой офис в Восточном Тиморе в июне 2000 г. при финансировании Национального фонда за демократию (NED). С тех пор IRI реализовал несколько программ USAID и NED, сосредоточенных на укреплении политических партий, вовлечении молодежи в гражданскую активность и подготовке лидеров. Особого внимания заслуживает телевизионное ток-шоу IRI «*Ko'alia Ba Ha'u!*» («Поговори со мной!»), которое транслируется на национальном уровне и служит ключевым каналом политического просвещения и, что не менее важно, формирования определенной модели политического дискурса³².

NDI, аффилированный с Демократической партией США, также активно работал в Восточном Тиморе, сосредоточившись на увеличении участия граждан в политической жизни и укреплении местного управления. IFES, в свою очередь, специализировался на разработке избирательной нормативно-правовой базы и технической поддержке избирательных процессов³³.

Наиболее наглядным проявлением политического влияния США является прямое финансирование национальных выборов – президентских и парламентских. Эта помощь, как правило, предоставляется в преддверии выборов, что позволяет Вашингтону не только оказывать техническую поддержку, но и позиционировать себя в качестве гаранта демократической легитимности.

24 февраля 2022 г. USAID выделило 500 тыс. долл на «Поддержку честных, представительных президентских выборов в Восточном Тиморе». Программа, реализованная через партнеров CEPPS (IRI, IFES и местные организации), была направлена на обеспечение свободного и честного голосования в условиях пандемии COVID-19. В рамках этой инициативы проводилась широкая информационно-просветительская кампания с использованием все того же ток-шоу «*Ko'alia Ba Ha'u!*», распространявшегося по телевидению, радио и в социальных сетях. Особое внимание уделялось вовлечению в процесс молодежи и людей с ограниченными возможностями здоровья³⁴.

Президентские выборы 2022 г., на которых победу одержал Жозе Рамуш-Орта (набравший 62% голосов во втором туре), прошли при высокой явке: из 850 тыс. зарегистрированных избирателей проголосовало более 660 тыс. человек. Международные наблюдатели, включая представителей IRI, оценили выборы как свободные и справедливые.

Однако сам факт того, что американские организации выступали ключевыми партнерами в этом процессе, неизбежно поднимает вопрос о степени их влияния на политическую динамику.

Примечательно, что *USAID* и его партнеры ранее уже оказывали аналогичную помощь в других странах, включая Шри-Ланку, Боливию, Малави, Тунис и Украину. Таким образом, Восточный Тимор оказался частью глобальной сети американской электоральной поддержки – сети, которая служит интересам американской внешней политики³⁵.

Помимо прямой поддержки выборов, США активно участвуют в укреплении государственных институтов Восточного Тимора – в первую очередь тех, что связаны с борьбой с коррупцией и защитой прав человека. В апреле 2024 г. *USAID* запустило трехлетнюю программу «Механизм подотчетности и добросовестности» (*AIM*), стоимостью 7,9 млн долл. Цель программы – укрепление «экосистемы подотчетности» правительства и продвижение антикоррупционных усилий³⁶.

Ключевым партнером в рамках *AIM* стала Прокуратура по правам человека и правосудию (*PDHJ*) – тиморский институт омбудсмена. В июле 2024 г. *USAID* и *PDHJ* подписали официальное «Заявление о сотрудничестве», предусматривающее поддержку стратегического плана *PDHJ*, развитие исследовательского потенциала для мониторинга коррупции, реализацию программ гражданского образования и антикоррупционных инициатив, а также расширение способности института реагировать на жалобы граждан³⁷.

Как отметил омбудсмен Виржилиу Гутерреш, *PDHJ*, празднующий в 2024 г. свое 20-летие, позиционирует себя в качестве «одного из столпов молодой демократии», «авангарда прав человека» и «катализатора надлежащего управления». Эта риторика органично вписывается в американский нарратив о поддержке демократических институтов. В то же время программа *AIM*, как и многие другие инициативы *USAID*, реализуется через американские организации и под американским контролем, что создает механизм влияния, встроенный в саму структуру тиморской государственности³⁸.

В более широком смысле, в ответах официальных лиц США при утверждении кандидатур на пост посла четко прослеживается связь между американской помощью и политическими приоритетами: поддержка правительственных институтов, ответственных за доступ к правосудию и права человека, поддержка гражданского общества как «важного противовеса правительственной власти», а также работа с оппозиционными партиями и продвижение инклюзивности для женщин,

меньшинств и молодежи в политических партиях. Таким образом, помощь администрируется избирательно и целенаправленно.

Несмотря на благие декларации и заметные результаты (включая мирные выборы 2017 и 2018 гг., проведенные без международного наблюдения), подход США к «продвижению демократии» в Восточном Тиморе вызывал критику как на местном, так и на экспертном уровне.

Наиболее чувствительным вопросом стал механизм распределения средств. Члены правительства Восточного Тимора выражали озабоченность тем, что контракты часто заключались с базирующимися в США организациями, и значительная часть средств уходила на заработную плату американских сотрудников. Иными словами, «помощь» в значительной степени циркулировала внутри американского некоммерческого сектора, а не поступала напрямую в тиморскую экономику или местным организациям.

Кроме того, чрезмерная зависимость от внешнего финансирования может подрывать устойчивость местных институтов. Поддержка «демократии» извне создает прецедент, при котором политический процесс оказывается уязвим для колебаний внешнеполитического курса США. Восточный Тимор получает значительную политическую, экономическую и гуманитарную помощь от Австралии, Новой Зеландии, Португалии и ООН, что ставит вопрос о координации и возможной конкуренции доноров. В этом контексте американская помощь, несмотря на свою существенность, является лишь частью более сложной картины международного влияния.

В официальных документах США так называемое «продвижение демократии» прямо увязывается с более широкими стратегическими целями в Индо-Тихоокеанском регионе. Как отмечается на сайте Государственного департамента, «поддержка свободного, открытого, процветающего и устойчивого Индо-Тихоокеанского региона является ключевым приоритетом США»³⁹. Это не абстрактная формулировка: она отражает стремление США укрепить позиции демократических союзников в регионе, где Китай наращивает свое экономическое и политическое влияние.

В этом контексте Восточный Тимор, который присоединился к АСЕАН в 2025 г. и часто характеризуется как свободнейшая демократия Юго-Восточной Азии, приобретает особое стратегическое значение. Американская помощь в развитии демократических институтов и проведении выборов — это не только поддержка молодого государства, но и вклад в создание предсказуемого, управляемого и, что

немаловажно, дружественного Вашингтону политического пространства в непосредственной близости от конкурирующих центров силы.

Анализ политического влияния США в Восточном Тиморе через механизмы финансирования партий, избирательных процессов и институционального укрепления позволяет сделать несколько ключевых выводов.

Во-первых, масштабы и системный характер американского вмешательства несопоставимы с влиянием любого другого внешнего актора в этой сфере. *USAID*, *IRI*, *NDI* и *IFES* не просто оказывают помощь – они фактически выступают архитекторами политической системы Восточного Тимора, начиная с избирательного законодательства и заканчивая технологиями парламентской работы.

Во-вторых, «продвижение демократии» служит инструментом «мягкой силы», позволяющим США легитимизировать свое присутствие и влиять на политическую динамику без применения военных или экономических рычагов давления. Это влияние, однако, не является тотальным: Восточный Тимор сохраняет значительную степень политической автономии, а его лидеры, пережившие оккупацию, демонстрируют прагматизм и способность балансировать между внешними акторами.

В-третьих, у этого подхода есть и обратная сторона. Критика в адрес механизмов распределения средств, озабоченность по поводу устойчивости местных институтов и потенциальная уязвимость политического процесса перед колебаниями американского внешнеполитического курса указывают на внутренние противоречия модели «продвижения демократии».

В конечном счете, политическое влияние США в Восточном Тиморе можно охарактеризовать как «структурное партнерство» – глубокое, и основанное на общих ценностных нарративах, но не сводящееся к прямому управлению или контролю. Это влияние, хотя и значительно, остается одним из нескольких измерений сложной и многовекторной внешней политики Восточного Тимора, которая, как было показано выше, формируется под воздействием исторической памяти, экономической зависимости и растущих геополитических амбиций.

Эволюция двусторонних отношений (2002–2026): от гуманитарной помощи к геополитике

Двусторонние отношения между Восточным Тимором и Соединенными Штатами прошли за четверть века сложный путь трансформации. От символических жестов признания молодой демократии и

гуманитарных проектов восстановления – к военно-политическому диалогу и, наконец, к постепенному вписыванию Дили в контуры американо-китайской конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе. Однако, несмотря на это поступательное углубление, Восточный Тимор не превращается в полноценный форпост США. Причины этого – в сложном переплетении исторической памяти, многовекторной внешне-политической стратегии Дили, ограниченного экономического интереса Вашингтона и, что не менее важно, осознанного выбора тиморского руководства в пользу многовекторности.

Дипломатические отношения между США и Восточным Тимором были установлены 20 мая 2002 г. – в день официального восстановления независимости страны. Начальный этап сотрудничества носил преимущественно символический и гуманитарный характер. Вашингтон стремился легитимизировать молодое государство и оказать помощь в постконфликтном восстановлении, одновременно продолжая политику, направленную на поддержку демократических институтов.

Ключевым событием этого периода стал первый визит государственного секретаря США в Восточный Тимор. В сентябре 2012 г. Хиллари Клинтон прибыла в Дили, что стало «первым случаем в истории, когда государственный секретарь США посетил Восточный Тимор»⁴⁰. Премьер-министр Шанана Гужмау назвал переговоры «широкими и рефлексивными», охватившими вопросы стратегического плана развития, партнерства в области развития, а также региональную и глобальную повестку⁴¹. Клинтон, в свою очередь, поздравила тиморских лидеров с проведением трех раундов свободных и честных выборов, отметив, что «есть много стран гораздо старше этой, которые не могут с такой же убедительностью заявить, что провели столь же свободные и справедливые выборы»⁴².

В этот период США сосредоточились на гуманитарных проектах. Инженерный корпус ВМС США («Морские котик») с 2009 г. построил более 100 школ и клиник и участвовал в реконструкции взлетно-посадочной полосы авиабазы в Баукау⁴³. Эти проекты, хотя и имели невоенный характер, заложили основу для долгосрочного доверия и оперативной совместимости между силовыми структурами двух стран.

Второе десятилетие двусторонних отношений ознаменовалось значительным расширением военного сотрудничества. Центральным элементом этого этапа стали ежегодные военно-морские учения *Cooperation Afloat Readiness and Training (CARAT)*⁴⁴. В сентябре 2025 г. прошла 14-я итерация CARAT в Восточном Тиморе (и 31-я в истории серии), в ходе которой были задействованы американский боевой

корабль прибрежной зоны *USS Cincinnati*, самолет морской разведки *P-8A Poseidon*, а также тиморские подразделения водолазов, специалистов по разминированию и медицинские команды⁴⁵.

Как отметил командующий генерал-лейтенант Фалур Рате Лаж, «эти учения предоставляют бесценную возможность для развития возможностей, укрепления оперативной совместимости и консолидации доверия между нашими силами»⁴⁶. Диалог в сфере обороны вышел далеко за рамки символического жеста: в июле 2025 г. делегация Сил обороны Восточного Тимора во главе с начальником штаба бригадным генералом Жозе да Кошта Суарешем посетила штаб-квартиру Индо-Тихоокеанского командования США (*USINDOPACOM*) на Гавайях. В ходе переговоров обсуждалось расширение двустороннего военного сотрудничества, включая совместные учения и инициативы по подготовке кадров, с особым акцентом на «повышение потенциала морской безопасности, координацию усилий по реагированию на стихийные бедствия и укрепление программ гуманитарной помощи»⁴⁷.

В ноябре 2024 г., незадолго до смены администрации, тогдашний министр обороны США Ллойд Остин объявил о «Первой рамочной концепции видения Министерства обороны в Юго-Восточной Азии», в которой отдельно подчеркивалась готовность Вашингтона предоставить Восточному Тимору «помощь в наращивании потенциала в оборонном секторе» для содействия полноправному членству страны в АСЕАН⁴⁸. Военное взаимодействие США с Восточным Тимором стало более плотным, чем сотрудничество с Китаем, который хотя и подписал с Дили соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве в 2023 г., оставался отстающим по уровню военных контактов⁴⁹.

Поворотным моментом, изменившим контекст двусторонних отношений, стало вступление Восточного Тимора в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии. 26 октября 2025 г. на 47-м саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре была подписана Декларация о приеме Восточного Тимора в качестве 11-го члена организации. Вхождение в АСЕАН, которого Дили добивался более двух десятилетий, резко повысило стратегическую значимость страны. Как отметил аналитический журнал *Foreign Policy*, «присоединение к АСЕАН предоставит Восточному Тимору значительные дипломатические и экономические выгоды, но оно также означает, что США и Китай будут уделять больше внимания стране и тому, как она может вписаться в их стратегии противодействия друг другу в Юго-Восточной Азии»⁵⁰.

Особую пикантность ситуации придает тот факт, что с позиций Вашингтона Восточный Тимор – «единственная полноценная

демократия в регионе» и убежденный сторонник международного права⁵¹. Президент Жозе Рамуш-Орта неоднократно подчеркивал: «международное право – это не абстрактная концепция; это фундамент, на котором мы построили нашу независимость»⁵². Эта риторика созвучна американскому нарративу о «свободном и открытом Индо-Тихоокеанском регионе», что, в свою очередь, вызывает у Вашингтона определенные надежды на превращение Дили в нового союзника в региональном противоборстве с Китаем.

Однако на практике тиморское руководство демонстрирует виртуозную способность к балансированию. В интервью Associated Press в октябре 2025 г. Рамуш-Орта заявил, что его правительство «успешно балансирует тесные отношения Восточного Тимора с Китаем и связи с США, Австралией и другими западными странами»⁵³. Говоря о китайских инвестициях, президент подчеркнул, что у страны «нет китайского долга, который мог бы быть использован в качестве политического давления», а позже отметил, что почти 80% инфраструктурных проектов в стране финансируются самим Дили⁵⁴.

Несмотря на политическую и военную динамику, экономическая составляющая двусторонних отношений остается относительно скромной. По данным отчета зарубежной службы Департамента сельского хозяйства США за 2025 г., экспорт Восточного Тимора в США составляет лишь около 4% от общего объема импорта страны, а с учетом 10-процентной тарифной нагрузки, введенной администрацией Трампа, «негативное воздействие на экономику ожидается незначительным»⁵⁵. Доля США в импорте сельскохозяйственной продукции Восточного Тимора также оценивается примерно в 4% – около 12 млн долл. в год. Даже при оптимистичном сценарии, после первой аграрной торговой миссии США в мае 2025 г., американские компании прогнозируют потенциальный объем экспорта в размере 22,7 млн долл. в год – цифра, которая несопоставима с масштабами китайского или австралийского экономического присутствия⁵⁶.

Эта асимметрия крайне важна для понимания ограниченного характера американского влияния. В то время как китайские компании строят ключевые портовые объекты (включая новый глубоководный порт в заливе Тибай), ирригационные системы и энергетическую инфраструктуру, США остаются в значительной степени политическим, а не экономическим партнером⁵⁷. Отсутствие мощного экономического лобби в Вашингтоне, заинтересованного в экспансии в Тиморе, снижает стимулы для превращения страны в полноценный форпост.

В то же время зависимость Дили от американской экономики носит скрытый, но системный характер. Посол Восточного Тимора в США Жозе Луиш Гутерреш в интервью конца 2025 г. подчеркнул, что «мало кто знает, что Восточный Тимор инвестировал в США около 18 миллиардов долларов» через свой Нефтяной фонд, включая акции 600 американских компаний⁵⁸. Эта сумма многократно превышает объемы взаимной торговли и создает мощный канал финансовой уязвимости.

Несмотря на углубление контактов и растущую геополитическую значимость, Восточный Тимор не превращается в американский военно-политический форпост по целому ряду причин.

Хотя рациональный прагматизм поколения лидеров, переживших оккупацию (Рамуш-Орта, Гужмау), допускает тесное сотрудничество с Вашингтоном, историческая травма остается значимым фактором общественного сознания. Роль США в «зеленом свете» вторжению 1975 г. и последующая поддержка индонезийской армии – не забыты. Эта память накладывает морально-политические ограничения на слишком тесное военное сближение и размещение американских баз, делая любые предложения в этой сфере политически взрывоопасными.

Восточный Тимор последовательно проводит многовекторную внешнюю политику. Китай был первой страной, признавшей независимость Восточного Тимора в мае 2002 г., и остается ключевым партнером в инфраструктурном развитии. Австралия и Португалия также являются важными донорами и политическими союзниками. Вступление в АСЕАН в 2025 г. дало Дили дополнительные инструменты для регионального позиционирования без необходимости делать жесткий выбор между великими державами.

Как уже отмечалось, экспорт Восточного Тимора в США составляет лишь около 4% от общего объема. Американский бизнес не проявляет значительной активности в стране, за исключением нескольких нишевых секторов. Отсутствие мощного экономического лобби в Вашингтоне снижает заинтересованность в превращении Восточного Тимора в форпост американского влияния в Индо-Пацифике.

Военное сотрудничество США с Восточным Тимором носит ограниченный характер и сосредоточено, главным образом, на гуманитарных и тренировочных миссиях – реагировании на стихийные бедствия, морской безопасности и профессиональной подготовке кадров. США не стремятся размещать на территории Восточного Тимора постоянные военные базы или разворачивать существенные контингенты, и тиморское правительство также не выражает готовности предоставить такую возможность. Даже программы помощи в сфере

кибербезопасности и экстренной радиосвязи реализуются через гранты и техническое содействие, а не через прямое военное присутствие⁵⁹.

Администрация Трампа также вносит существенную неопределенность в двусторонние отношения. 90-дневная заморозка всей иностранной помощи США в начале 2025 г. затронула и проекты в Восточном Тиморе, поставив под угрозу, в частности, программу чистой воды стоимостью 640 миллионов долларов. Программа Корпорации вызова тысячелетия (МСС) в Тиморе также была прекращена в рамках сокращений иностранной помощи⁶⁰.

Хотя президент Рамуш-Орта публично заверил, что заморозка «не окажет существенного влияния на программы правительства», признав, что больше всего пострадают местные НПО, зависящие от *USAID*, этот эпизод наглядно продемонстрировал уязвимость политического влияния США. Способность Вашингтона в одностороннем порядке сворачивать проекты подрывает доверие к долгосрочности партнерства и побуждает Дили диверсифицировать источники внешней поддержки.

Более того, некоторые аналитики выражают опасение, что США могут потребовать от Восточного Тимора выхода из партнерства с Китаем в обмен на оборонную помощь, что поставило бы Дили в крайне сложное положение. Тот факт, что Рамуш-Орта публично заявляет об отсутствии «китайского долгового давления», можно интерпретировать как превентивную попытку нейтрализовать потенциальное давление со стороны Вашингтона.

Наконец, для самой американской внешней политики Восточный Тимор остается региональным партнером, но отнюдь не стратегическим приоритетом. Более значимые союзники США в Юго-Восточной Азии – Филиппины, Таиланд, Сингапур и Вьетнам – обеспечивают гораздо более существенные военные и экономические выгоды.

Заключение

Эволюция отношений между США и Восточным Тимором представляет собой классический пример того, как историческая травма, прагматизм и структурные ограничения формируют уникальную модель партнерства. За четверть века диалог прошел путь от символической поддержки молодой демократии до институционализированного военно-политического взаимодействия. Однако, несмотря на вступление в АСЕАН, растущую геополитическую значимость и углубление оборонного диалога, Восточный Тимор не превращается в американский форпост.

Причины этого – в комплексе взаимосвязанных факторов: историческая память об оккупации накладывает моральные ограничения на слишком тесное сближение; многовекторная дипломатия Дили обеспечивает пространство для маневра между великими державами; ограниченный экономический интерес США и уязвимость американской помощи перед политическими колебаниями снижают доверие; а сам Вашингтон не рассматривает Восточный Тимор в качестве приоритетного направления своей стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе.

В результате складывается модель, которую можно охарактеризовать как «ограниченное партнерство». Это модель, при которой сотрудничество является глубоким и многоаспектным – финансовая интеграция, военные учения, продвижение демократических институтов, – но не предполагает размещения постоянных военных баз, односторонней внешнеполитической привязки или превращения тиморской территории в инструмент сдерживания Китая. Для Восточного Тимора такой формат является оптимальным: он позволяет извлекать выгоды из сотрудничества с США, сохраняя при этом суверенитет и пространство для многовекторного маневра. Для США – это прагматичный компромисс между символической поддержкой «свободнейшей демократии» региона и реальными ресурсными ограничениями. На протяжении всего этого пути неизменной оставалась твердая приверженность Дили своей независимой, неблоковой и конструктивной роли на международной арене. Пока это суверенное равновесие будет приносить дивиденды, Вашингтону вряд ли удастся превратить Дили в полноценный форпост.

Отношения Восточного Тимора и США представляют собой уникальное сочетание исторической травмы и прагматичного партнерства. Экономика, завязанная на использовании доллара и масштабные инвестиции Нефтяного фонда в американские активы создают глубокую финансовую зависимость, а программы *USAID* обеспечивают значительное политическое влияние. В то же время историческая память о трагической роли США в годы оккупации, многовекторный внешнеполитический курс Дили, ограниченный экономический интерес американского бизнеса и отсутствие стратегического приоритета Восточного Тимора в Вашингтоне препятствуют превращению страны в форпост американского присутствия. Напротив, отношения этих государств следует рассматривать как пример ограниченного партнерства – устойчивого, функционального и взаимовыгодного, но не предполагающего полного подчинения внешней политики Восточного Тимора геополитическим интересам США. Дальнейшая эволюция этих отношений

будет зависеть как от региональной динамики (включая американо-китайское соперничество), так и от способности тиморского руководства сохранять баланс между привлечением американской поддержки и защитой национального суверенитета.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ШАТЕРНИКОВ Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий аналитик, Центр развития экспорта и международной кооперации, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 15.06.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel S. SHATERNIKOV, PhD (Hist.), Leading Analyst, Center for Export Development and International Cooperation, RUDN University, Moscow, Russia

The article was submitted 15.05.2026; approved 30.05.2026; accepted to publication 15.06.2026.

¹ US Sacrificed Papua to Court Suharto. Asia Times. 13.07.2004. National Security Archive, George Washington University. URL:

https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/media_mentions/2004-07-13_-_indonesia_-_asia_times_-_us_sacrificed_papua_to_court_suharto_0.pdf

² US Sacrificed Papua to Court Suharto. Asia Times.

³ Press Releases and Statements. National Security Archive Electronic Briefing Book. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB62/press.html>

⁴ 1975: East Timor Invasion Got U.S. Go-Ahead. The Washington Post. 07.12.2001. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2001/12/07/1975-east-timor-invasion-got-us-go-ahead/b59c47dc-3e54-4a3c-bca8-9f9f5120686a/>

⁵ FPIF. East Timor. URL: https://fpif.org/east_timor

⁶ FPIF. East Timor. URL: https://fpif.org/east_timor

⁷ East Timor Truth Commission Finds U.S. Culpable. History News Network. URL: <https://www.historynewsnetwork.org/article/east-timor-truth-commission-finds-us-culpable>

⁸ CAVR (Commission for Reception, Truth and Reconciliation in East Timor). Chega! Report. 26.07.2006. URL: <http://www.cavr-timorleste.org/en/cheгаReport.htm>

⁹ CAVR (Commission for Reception, Truth and Reconciliation in East Timor). Chega! Report.

¹⁰ CAVR (Commission for Reception, Truth and Reconciliation in East Timor). Chega! Report.

¹¹ Шатерников П.С. Соединенные Штаты Америки и восточнотиморский вопрос (1975–1999 гг.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 2, № 2 (67). С. 335–345. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-2-2-67-335-345

¹² Fate of East Timor; Clinton's Words on East Timor, Waco, Clemency Offer, Other Issues. The New York Times. 10.09.1999. URL: <https://www.nytimes.com/1999/09/10/world/fate-east-timor-clinton-s-words-east-timor-waco-clemency-offer-other-issues.html>

¹³ См. например: Ramos-Horta J. East Timor and the Region // Trends in Southeast Asia. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2001. URL: <http://www.asia-studies.com/asia/ISEAS/TRS1-01a.pdf>

¹⁴ UNTAET Regulation 2000-07. URL: <https://mj.gov.tl/jornal/lawsTL/UNTAET-Law/Regulations%20English/Reg2000-07.pdf>

¹⁵ UNTAET Regulation 2000-07., п. 1.2.

¹⁶ UNTAET Regulation 2000-07., п. 2.1.

- ¹⁷ См., например: Nota de Imprensa. Folha de S.Paulo. 25.01.2000. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/fsp/mundo/ft2501200009.htm>
- ¹⁸ IMF. Selected Issues Papers: Timor-Leste. 2024. URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/selected-issues-papers/2024/english/sipea2024042.pdf>
- ¹⁹ IMF. Selected Issues Papers: Timor-Leste. 2024.
- ²⁰ IMF. Selected Issues Papers: Timor-Leste. 2024.
- ²¹ Bill Mitchell. Blog Archives for 2018. URL: <https://billmitchell.org/blog/?m=2018&paged=20>
- ²² IMF. Timor-Leste's Opportunity to Turn Its Wealth Into Economic Development. 10.06.2025. URL: <https://www.imf.org/en/news/articles/2025/06/10/cf-timor-lestes-opportunity-to-turn-its-wealth-into-economic-development>
- ²³ FAOLEX. Decree-Law No. 13/2017 on the State Petroleum Fund. Timor-Leste. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/tim119386.pdf>
- ²⁴ Top 1000 Funds. Timor's SWF Awards First External Mandate, Begins Global Equities Search. URL: <https://www.top1000funds.com/uncategorised/timors-swf-awards-first-external-mandate-begins-global-equities-search/>
- ²⁵ Exclusive Interview: Ambassador Guterres on Timor-Leste's U.S. Investments, ASEAN Ambitions and Youth Leadership. Diplomatic Watch. URL: <https://diplomaticwatch.com/exclusive-interview-ambassador-guterres-on-timor-lestes-u-s-investments-asean-ambitions-and-youth-leadership/>
- ²⁶ Exclusive Interview: Ambassador Guterres on Timor-Leste's U.S. Investments, ASEAN Ambitions and Youth Leadership.
- ²⁷ Exclusive Interview: Ambassador Guterres on Timor-Leste's U.S. Investments, ASEAN Ambitions and Youth Leadership.
- ²⁸ Ministério das Finanças (Timor-Leste). Fundo Petróleo do Estado. URL: <https://mnec.gov.tl/index.php/node/32>
- ²⁹ Pulitzer Center. In Timor-Leste, Even Modest Cuts to U.S. Foreign Aid Add Up. URL: <https://pulitzercenter.org/stories/timor-leste-even-modest-cuts-us-foreign-aid-add>
- ³⁰ Pulitzer Center. In Timor-Leste, Even Modest Cuts to U.S. Foreign Aid Add Up.
- ³¹ Asia Matters for America. The United States Assists Timor-Leste's Presidential Elections Through USAID. URL: <https://asiamattersforamerica.org/articles/the-united-states-assists-timor-lestes-presidential-elections-through-usaid>
- ³² Asia Matters for America. The United States Assists Timor-Leste's Presidential Elections...
- ³³ Asia Matters for America. The United States Assists Timor-Leste's Presidential Elections...
- ³⁴ Asia Matters for America. The United States Assists Timor-Leste's Presidential Elections...
- ³⁵ Asia Matters for America. The United States Assists Timor-Leste's Presidential Elections...
- ³⁶ PDHJ. USAID and PDHJ Sign Statement of Cooperation to Implement Key Anti-Corruption Initiatives in Timor-Leste. URL: <https://www.pdhj.tl/en/usaaid-and-pdhj-sign-statement-of-cooperation-to-implement-key-anti-corruption-initiatives-in-timor-leste/>
- ³⁷ PDHJ. USAID and PDHJ Sign Statement of Cooperation to Implement Key Anti-Corruption...
- ³⁸ PDHJ. USAID and PDHJ Sign Statement of Cooperation to Implement Key Anti-Corruption...
- ³⁹ U.S. Department of State. Bureau of East Asian and Pacific Affairs: Key Topics. URL: <https://www.state.gov/key-topics-bureau-of-east-asian-and-pacific-affairs/>
- ⁴⁰ ABC News. An Hillary Clinton Arrives in East Timor. 06.09.2012. URL: <https://www.abc.net.au/news/2012-09-06/an-hillary-clinton-arrives-in-east-timor/4246058>
- ⁴¹ Scoop. US Secretary of State Visits Timor-Leste. 6 сентября 2012. URL: <https://www.scoop.co.nz/stories/WO1209/S00076/us-secretary-of-state-visits-timor-leste.htm>
- ⁴² Scoop. US Secretary of State Visits Timor-Leste.
- ⁴³ The Diplomat. Could U.S. Defense Cuts Affect Timor-Leste? 02.02.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/02/could-us-defense-cuts-affect-timor-leste/>
- ⁴⁴ The Diplomat. Could U.S. Defense Cuts Affect Timor-Leste?
- ⁴⁵ U.S. Navy. CARAT Timor-Leste 2025 Concludes. URL: <https://www.cpf.navy.mil/Newsroom/News/Article/4317880/carat-timor-leste-2025-concludes/>

⁴⁶ U.S. Navy. CARAT Timor-Leste 2025 Concludes.

⁴⁷ U.S. Indo-Pacific Command. Timor-Leste Defence Force Visits USINDOPACOM for Bilateral Defense Discussions. URL: <https://www.pacom.mil/Media/News/News-Articles/Article/4252534/timor-leste-defence-force-visits-usindopacom-for-bilateral-defense-discussions/>

⁴⁸ The Diplomat. Could U.S. Defense Cuts Affect Timor-Leste?

⁴⁹ The Diplomat. Could U.S. Defense Cuts Affect Timor-Leste?

⁵⁰ Foreign Policy. Timor-Leste, ASEAN, and the U.S.-China Competition in the South China Sea. 16.10.2025. URL: <https://foreignpolicy.com/2025/10/16/timor-leste-asean-us-china-competition-south-china-sea/>

⁵¹ Foreign Policy. Timor-Leste, ASEAN, and the U.S.-China Competition in the South China Sea.

⁵² Foreign Policy. Timor-Leste, ASEAN, and the U.S.-China Competition in the South China Sea..

⁵³ The Seattle Times. In AP Interview, East Timor's Ramos-Horta Says Personal Diplomacy Could Bring Myanmar Ceasefire. URL: <https://www.seattletimes.com/nation-world/in-ap-interview-east-timors-ramos-horta-says-personal-diplomacy-could-bring-myanmar-ceasefire/>

⁵⁴ The Seattle Times. In AP Interview, East Timor's Ramos-Horta Says Personal Diplomacy...

⁵⁵ USDA Foreign Agricultural Service. First U.S. Agricultural Trade Delegation to Timor-Leste Discovers Small but Lucrative Hidden Gem Market. June 2025. URL:

https://www.fas.usda.gov/data/gain-report/2025/06/First%20US%20Agricultural%20Trade%20Delegation%20to%20Timor-Leste%20Discovers%20Small%20but%20Lucrative%20Hidden%20Gem%20Market_Jakarta_Indonesia_ID2025-0026.pdf

⁵⁶ USDA Foreign Agricultural Service. First U.S. Agricultural Trade Delegation to Timor-Leste...

⁵⁷ Macao Magazine. Chinese Investment in Timor-Leste. URL:

<https://macaomagazine.net/chinese-investment-timor-leste/>

⁵⁸ Exclusive Interview: Ambassador Guterres on Timor-Leste's U.S. Investments, ASEAN Ambitions and Youth Leadership.

⁵⁹ The Diplomat. Could U.S. Defense Cuts Affect Timor-Leste?

⁶⁰ The Diplomat. Could U.S. Defense Cuts Affect Timor-Leste?